



63.3(2к)
ИЗЗ

**ИЗВЕСТИЯ
КАЗАХСТАНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

**КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА—1940**

SSSR QJLBM AKADEMIASBNBN
QAZAQSTANDBQ FILIALBNBN
IZVESTIASB

ИЗВЕСТИЯ
КАЗАХСТАНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

ВЫПУСК I

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА—1940

Ответственный редактор — зам. председателя
Президиума КФАН *Г. А. Ибрагимов.*
Редактор изданий КФАН *Д. И. Кац.*

М. ВЯТКИН

КАЗАХСКОЕ ОБЩЕСТВО В СРЕДИНЕ XVIII в.¹

Среди классов казахского общества второй половины XVIII в. совершенно явственно выделяются феодалы — так называемая «белая кость», к которым принадлежали султаны, называвшие себя чингизидами. Выделение этого класса теряется в историческом прошлом, предшествовавшем образованию казахского союза. По всей вероятности, образование класса феодалов связано с выделением феодальной знати в период империи Чингиз-хана. Положение этой социальной группы в казахском обществе XVIII в. своеобразно; феодальные отношения выступили здесь более слабо, чем в среднеазиатских ханствах.

Попробуем на конкретных данных выяснить классовое положение султанов в XVIII в.

Отметим, прежде всего, что султаны в XVIII в. не выступали как собственники отдельных участков земли. Частная собственность в формах, характерных для земледельческих народов, в Казахстане отсутствовала. Но это обстоятельство, после исследований академика Владимира Мирцева², не может служить основанием для отрицания феодальных отношений. Развитие феодальных отношений связывается с узурпацией общинных земель и повинностей³. Эта узурпация у казахов, как и у других кочевых народов, выступала не в форме образования частной феодальной собственности на землю, а в форме распоряжения райснами кочевков подвластных феодалам аулов. Это право распоряжения неразрывно сплеталось с политически господствующим положением султанов. Старый общинный институт выбора владельцев общинами фактически принадлежал к отмершим институтам.

¹ Сокращенная глава из монографии «Батыр Срым».

² Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. 1934 г.

³ Маркс связывает происхождение феодализма именно с узурпацией общинных земель и общинных повинностей. Сошлюсь на известное место из 8 главы I тома «Капитала», где Маркс, говоря о румынских княжествах, пишет, что «с течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли» (Собр. соч., т. XVII, стр. 260).

Ту же мысль повторяет Маркс и в 47 главе III тома «Капитала» (§ 5). Форма экспроприации общинных земель у кочевых и оседлых народов может быть различна; в своеобразной форме, без дробления земли на отдельные участки, эта экспроприация существовала и у казахов.

Приведем некоторые данные в подтверждение этого. Лапин и Мансур Асанов, посланные в 40-х годах в орду военным губернатором И. И. Неплюевым, показали, что вместе с ними поехал в Кереевский род хан Абулмамбет и «взял с собою сына своего большого Булата, в том намерении, чтобы ево в том роде вместо Ер-Али султана учредить»¹. Но и Ер-Али получил это владение через своего отца: «Ер-Али не своим владеет, а по отце ево»². Правда, со своими претензиями Абулмамбету пришлось обратиться к старшинам рода Керей. Те отказались сменить владельца, но это их решение опять-таки было обусловлено волей и влиянием хана Абулхаира и поддерживавших его феодалов. По крайней мере после убийства Абулхаира сейчас же потерял кереевское владение и Ер-Али. Ему пришлось бежать в Малую орду; старшины не оказали ему поддержки. Аналогичные данные имеются и о султанине Бараке.

Башкир Тюкан Балтасев сообщил в «сказке», что «помянутой Барак, всех в ево ведомстве состоящих улусных людей разделя под ведомство своим людям, обязал их в том поручительством», т. е., чтобы «к воровству и противностям под российские места из них, кайсаков, отнюдь никого не допускать»³.

Во второй половине XVIII в. такие указания на назначение, а не на выбор владельцев из султанов становятся обычными. Так, Нур-Али писал Екатерине II: «еще приемлю дерзновение всеподданейше представить, что сын мой большой Ишим солтан, учрежден мною в Байулинских двух родах Таминском да Байбактинском правителем»⁴. Старшины рода Верш писали в 1797 г. султану Жанали, сыну хана Нур-Али: «но вы, почтенный солтан от некоторого времени как родителем вашим покойным Нурали ханом равно и с российской стороны определены над нами управителем, почему мы... почитая Вас почтенного солтана и поныне над собою оным правителем...» и т. д.⁵. Аналогичные указания встречаются постоянно. Хан фактически также назначался своим сюзереном, т. е. царским правительством. Форма «выбора» хана Ер-Али, а затем Ишима в 90-х годах не обманывала уже никого. Как мы увидим в дальнейшем, выборы хана рассматривались как назначение и старшинами.

Этот материал позволяет подвергнуть серьезному сомнению «выборность» владельцев. Очевидно, что феодальный принцип пожалования возобладал над старым принципом выборности,

Но политическое господство связывалось с феодальным правом распоряжения кочевьями. На это тоже есть ряд достаточно ясных указаний. Мы находим довольно многочисленные попытки хана Абулхаира побудить казахских старшин откочевать с их улусами от пределов России. Эти попытки не привели к реальным результатам. Батыр Серка прямо заявил Абулхаиру, что «он де старшина со своим улусом от России отстать никогда не желает»,⁶ а старшины в ответ на призыв хана «не только вдаль не побежали, но еще и ево хана, подсмехая, говорили чтоб бежал он, хан, один куда хочет, а им бежать не от кого и некуда»⁷. Но дело не в том, выполняли или нет старшины требование хана, а в том, что хан мог предъявлять им эти требования. Феодальное пра-

¹ ГАФКЭ, КИД, дела киргиз-кайсацкие, К-9, № 3, 1743 г., л. 120 об.

² Там же, л. 120 об.

³ КИД, дела к-к, К.-10, № 4, 1744 г., л. 118 об.

⁴ ООА., ф. Оренб. губ. канцелярии, № ПО, 1779 г., л. 342 об.

⁵ ООА., ф. экспедиции пограничных дел, № 200, 1797 г., л. 79.

⁶ КИД, дела к.-к., К-13, № 3, 1746 г., л. 72 об.

⁷ Там же, л. 96 об.

во распоряжения кочевьем в принципе признавалось за ханом, реализация же этого права зависела от реальной силы и влияния хана. Приведенные данные несомненно отражают обязательство вассала руководствоваться в перекочевках указаниями владельца. Там, где не только право, но и сила была на стороне феодалов, там это право распоряжения кочевьем реально осуществлялось. Отметим, что Галдан Церен, разгромивший в 1741 г. Среднюю орду, потребовал от владельцев этой орды не только аманатов, но и подчинения его указаниям в выборе районов кочевок.

На право распоряжения кочевьями указывают материалы и более позднего времени, относящиеся ко второй половине XVIII в. Муфтий Мухамеджан Хусайнов в 1785 г. писал: «Во время расположения их, киргизкайсак, со скотом их на летние и зимние кочевки, некоторым он, хан, к тому позволения не дает, а ежели которые лошадей и баранов во взятку ему не дадут, да и без позволения его скот перегонят, о таковых сообщая и называя ворами, делает озлобление»¹.

Очевидно, распоряжение районами кочевок прочно вошло в систему общественных отношений; в этом выразилось развитие феодальной экспроприации общинной собственности у кочевого народа.

Приглядываясь к отношениям людей в процессе производства в казахском обществе XVIII в., мы совершенно ясно видим, что эти отношения складывались в формах, характерных для феодального общества. Это проявилось не только в превращении общинной собственности на землю в своеобразную форму распоряжения землей со стороны феодалов, но и в широком распространении феодальной ренты. Преобладающей формой феодальной ренты, поскольку речь идет об отношениях султанов и «простого народа»², а не старшин и трудящихся казахов, была рента продуктами. Виды ее были довольно разнообразны. В записке Е. Мейендорфа мы читаем, что султан Арынгазы «задержал трех хивинцев, посланных от своего хана для сбора подати, платимой обыкновенно киргизами своим владельцам».

В той же записке мы находим указание на то, что хивинский хан, признавая ханом Миненбая, «обязал его платить себе (т. е. хивинскому хану Мухаммед Рахиму) треть доходов, кои получит он с киргизцев и пошлин, кои получит он с проходящих караванов»³. Очевидно, что эти платежи существовали уже длительный период и к 20-м годам XIX в. успели сделаться привычными. Из донесения бар. Игельстрема от 28 марта 1789 г. мы узнаем, что Каип-хан, в поколении Алим-улы, установил штрафы за «чинимые киргизцами друг у друга захваты скота и воровство, так и сбор зякета»⁴. Из сообщений бар. Мейендорфа мы знаем о существовании в Малой орде взыскания гоштура. По шариату гоштур (ушр) должен был платить каждый мусульманин в размере $\frac{1}{10}$ всего урожая. Зякет — это подать, установленная кораном и обязательная для всех мусульман, обладающих известным имуществом.

Помимо этих крупных и регулярно (взимаемых платежей, существовал еще ряд более мелких повинностей, носивших иногда постоянный, иногда экстраординарный характер. Так, Мансур Асанов в 1744 г.

* КИД, дела к.-к., К-62, № 3, 1785 г., л. 15 — 15 об.

² В русских документах термин «простой народ» чаще всего употребляется как синоним термина «кара-суак», т. е. черная кость, в противоположность белой кости («ак-суак»), т. е. султанам и ханам. Мы будем употреблять этот термин как синоним кочевого крестьянства и всей казахской бедноты. Основания такого словоупотребления выяснятся из дальнейшего изложения.

³ УЦГАЛ, МВД, Земский отд., 8 делопр., № 70а, ч. I, л. 178.

⁴ Архив Гос. Совета, т. I, ч. II, стр. 847.

сообщил очень интересные сведения о том, как султан Вр-Али «отправил ево с прилучившимся тут Барак султанским братом Искандерь салтаном, кой тут для отъезду ево Баракова сына к зюнгорским калмыкам сбирал с кайсаков баранов, как оных в разных местах ему, Бараку, и поныне собирает для расплаты в лошадях и верблюдах, коих он, Барак, на съезд оному своему сыну в долг забрал»¹. Это указание конкретизирует наши представления о повинностях, которыми казахи были обязаны владельцам. Очевидно, что на казахах лежала оброчная повинность скотом в случае отправки сына владельца (в аманаты. На них же (очевидно, не во всех случаях, а в особых) лежала обязанность платы скотом за долги владельца. В частности, долги владельца, вызванные той же отправкой, должны были погасить вассалы, в Конечном счете — кочевое крестьянство. Можно предположить, что такое обязательство возникало лишь в связи с долгами, вызванными выполнением владельцем политических, общественных функций. Встречаются указания, подтверждающие постоянную повинность. Тот же Мансур, описывая свое вынужденное путешествие в г. Туркестан вместе с ханом Абулмамбетом, пишет, что «езда была весьма тихая, как он, хан, и всегда ездит, ибо где б какие кибитки ни случались то, заехав, всегда на ночной ночлег останавливается». В г. Туркестане (Хазрете) владельцы собирали в свою пользу ясак с местных казахов³. Повидимому, поводы для взимания оброка с крестьянства были довольно многообразны, как об этом позволяет судить и вышеприведенный материал и следующая заметка: при сватовстве султана Айчувакова за воспитанницу и родственницу калмыцкого зайсанга Замяна, по имени Намиз, Айчувак «ему Замяну, собрав с киргизцев, дал жеребца с несколькими кобылами»⁴.

Должны были казахи делиться с владельцами⁵ и военной добычей. Мы имеем на это прямые указания в источниках. Так, когда в 1774 г. казахи рода Берш и Кердери напали на русские владения, хан, узнав об этом, приказал, чтобы все захваченное было предоставлено ему. Из добычи хан «всего о человек да хлеб взял к себе, а прочее оставил у тех грабителей кайсак, и впредь грабеж чинить запретил»⁶. Казах Жемантай Бармаков показал в Оренбургской губернской канцелярии, что после нападения казахов в 1773 г. на Татищеву крепость казахи захватили пленных, а «хан ис тех пленных взял себе 3 калмыка»⁷.

Таким образом, положение султанов в казахском обществе вырисовывается с достаточной ясностью. Это — феодалы, держащие в своих руках распоряжение общинными кочевьями, эксплуатирующие казахов в форме взимания ренты продуктами. Отработочная же рента

¹ КИД, дела к-к, К-10, № 4, 1744 г., л. 105 — 105 об

² Там же, л. 106.

³ Там же, л. 107

⁴ КИД, дела к-к, К-25, № 4, 1756 г., л. 72

⁵ Термин «владелец» русского происхождения. Русские источники называют владельцем султана, выступающего в качестве политического главы более или менее крупного объединения. В казахских документах этому термину соответствует термин «султан». Можно думать, что термин «султан» имел не только широкое значение (чингизид, «белая кость»), но и более узкое, именно то, которое в русских документах передается термином «владелец». Например, Букенбай говорил А. Тевкелеву в 1732 г. «...А в Средней орде два хана Шемак хан, да Качюк хан, два солтана: Барак солтан, Абулмамбет солтан». Ясно, что здесь говорится лишь о султанах-владельцах (КИД, дела к. к., К-5, 1734 г.)

⁶ КИД, дела к-к., К-60, № 3, 1774 г. л. 33

⁷ Там же, л. 33

во взаимоотношениях феодалов и кочевого крестьянства была развита слабо.

Перейдем к рассмотрению казахской общины.

Основной кочевой ячейкой являлся аул. Его ядро составлял круг родственных друг другу лиц. Средний размер аула может быть определен на основании ряда показаний. Так, например, нам известно из экстракта донесения муфтия Мухамеджана Хусаинова, что при Нур-Алихане в 1785 г. оставалось 185 аулов с общим числом кибиток 745, т.е. в среднем на один аул приходилось 4 кибитки¹. Даже эти средние данные очень характерны, потому что они позволяют говорить об ауле, как о мелкой кочевой единице, — верный признак распада общинного хозяйства. О том же говорит развитие частной семейной собственности на скот. О сохранении общинной собственности на скот XVIII в. не может быть и речи. Характерны в этом отношении выделы хозяйства сыновей, когда они обзаводились собственной семьей, хотя при этом связь новой единицы с общим хозяйством аула и не порывалась. Многочисленные указания говорят о значительном имущественном неравенстве среди хозяйств, составлявших аул, но цифровыми данными степень этого неравенства проиллюстрирована быть не может. Есть указания на то, что это неравенство связывалось прежде всего с обеспечением аула семейной рабочей силой: наиболее многочисленные аулы были в то же время наиболее влиятельными, причем в семейную кооперацию аула внедрялись элементы рабского труда, так как наряду с семейной рабочей силой в зажиточных хозяйствах широко применялся и труд рабов.

Преобладание кочевания аулами также свидетельствовало о распаде общины. Этот распад проявился и в исчезновении прежних родовых тамг. Члены одного рода имели общую тамгу, но у казахов начертание общей «родовой» тамги варьировало у различных отделений, составляющих род, и даже у отдельных семей, например, изменялось положение начертания тамги, она ставилась в перевернутом положении, или к основному начертанию прибавлялась дополнительная черта и т. д.²

Несмотря на это преобладание семейной собственности, несомненно, что в жизни казахской общины продолжали сохраняться остатки прежнего патриархально-родового быта: недаром общины к своему видовому названию всегда прибавляли и родовое наименование, например, говорили Чакчак-Аргынское отделение. Черты патриархального родового быта проявлялись не только в названии общины и в организации аула, как кочевой единицы, ядро которой составляли лица, родственные друг другу, но и в ответственности рода или отделения по произведенной бармте и при убийстве, совершенном членом данного рода: «примирение их в таковых барантах и за убийство удовлетворяются целым отделением»...³

Сохранились и пережитки экзогамии: «Киргизец получает жену не из того отделения, коему принадлежит, а из другого»⁴.

Остатки патриархально-родового быта отражались и в идеологии, в обычае общих поминок по умершими т. п. «Всякий улус правит

¹ КИД, дела к-к, К-61, № 2, 1775 — 1780 гг., л. 187

² Предание связывало замену родовых тамг семейными с именем хана Тауке (умер в 1716 или 1718 гг.) Тамга — особый иерографический знак, употреблявшийся в качестве надписей для клеймения скота и т. д.

³ УЦГАЛ, канцелярия министра, Ком. св. 29, № 1026, л. 26.

⁴ Там же, л. 28.

сверх того ежегодно общие поминки на кладбище»¹. Сохранились и следы прежней родовой демократии; их мы находим в следующем сообщении Оренбургской экспедиции пограничных дел гр. А. Р. Воронцову от 80-х годов XVIII в.: «и когда оные старшины, ханские дети и прочие солданы, в случае народного какого-либо требования, служат им по желанию их, то зато они, киргиз-кайсаки их любят и почитают, а в противном случае пренебрегают»². Подтверждает это и Георги: «да и такие определения, которые сделаны с общего согласия всех аймакских начальников исполняются народом токмо по толику, поколику ониему угодны»³.

Товарищ Сталин на X съезде партии особо подчеркнул эту черту казахской общины. Он говорил: «Затем, есть третья группа, обнимающая не более 8 или 10 миллионов! — это по преимуществу скотоводческие племена, где родовой быт еще жив и которые еще не перешли к земледельческому хозяйству. Это, главным образом, киргизы, северная часть Туркестана, башкиры, чеченцы, осетины, ингуши»⁴. Эта форма казахской общины подчеркнута в тезисах по национальному вопросу, в которых Казахстан (Киргизия) также относится к разряду областей, «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт»⁵.

Тезисы отмечают эту особенность быта казахов в связи с задачами партии по отношению к трудовым массам этих народов. Эта задача «состоит в том, чтобы помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений и приобщиться к строительству советского хозяйства на основе трудовых крестьянских советов, путем создания среди этих народностей крепких коммунистических организаций...»⁶. Задачи социалистического строительства в Казахстане X съезд партии связывал с ликвидацией патриархально-феодальных отношений и в то же время указал, что «коммунисты — туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с «общенациональными» интересами, той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу»⁷.

Итак, X съезд партии указал на необходимость учитывать особенности быта в национальных районах, но подчеркнул опасность буржуазно-демократического национализма, как следствие смешения интересов трудящихся масс с так называемыми «общенациональными интересами». Это относится ко всем национальным окраинам. Но указания X съезда относятся к эпохе пролетарской революции. Можно ли говорить о классовом расслоении казахской общины XVIII в., не скрывали ли и в то время формы патриархально-родового быта классовые отношения? На этот вопрос мы должны ответить утвердительно.

Приглядимся, прежде всего, к структуре так называемого «рода». Род ни в хозяйственном, ни в политическом отношении не представлял из себя чего-либо цельного. Отделения, например, рода Шекты кочева-

¹ Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, Сиб., 1799 г., стр. 126.

² ЛОИИ, Собр. гр. Воронцовых, № 543, л. 279.

³ Георги, Цит. соч., стр. 124.

⁴ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 80. Партиздат, 1934 г.

⁵ Там же, стр. 70.

⁶ Там же, стр. 70.

⁷ Там же, стр. 71 — 72.

ли в разных районах от реки Сыр-Дарьи до реки Эмбы. Разбросанность кочевий характерна и для других родов. Указание П. И. Рычкова на то, что каждый род строго придерживался района своей кочевки, должно быть пересмотрено именностью стороны, что лишь отдельные части того или иного рода держались определенных районов кочевок. В политическом отношении род также не представлял собою чеголибо целого. Об этом можно судить по подписям владельцев под присяжными листами, под письмами и т. п. Например, под присяжными листами 1786 г. за род Берш подписались 12 старшин — каждый из них за определенное число кибиток; за род Тана — 3 старшины, за род Алаша — 3 старшины и т. д. Число кибиток, за которые подписывались старшины, варьировалось весьма значительно — от 30 до 10000. Преобладали владения от 500 до 2000 кибиток. Таким образом, мы можем сделать предположение, что политической единицей казахского общества была часть рода, или, если речь идет о крупных владениях, например батыра Жаныбека, Исета, Букенбая, — совокупность частей различных родов, объединенных под управлением одного старшины. Так во владении тархана Жаныбека находились «роды» и отделения поколения Аргын, Чакчак, Чартжитым, Тюртюгул, Атгай, Куман, Джакараке сек, часть рода Керей, Уак, Кипчак — все это Средней орды; из Малой орды — Кашкар-Ачинское отделение¹.

Про тархана Исета, владельца поколения Жетиру в 40-х годах, русские источники писали: «Меньшой орды славный и единственно в своем ведении семь родов имеющий старшина»².

Естественно, что эти старшины «почитались не ниже хана».

Чтобы определить социальный характер такого объединения, нужно выяснить классовое положение этих так называемых «родовых» старшин. Что выдвигало на положение родового старшины то или иное лицо?

Прямых указаний в источниках мы не имеем, однако на основании косвенных, но достаточно точных данных можем сделать ряд заключений.

Так, под присяжными листами казахов ведомства тархана Жаныбека в 1743 г. подписались за «род»:

	Всего старшин	из них батыров
Чакчак-Аргын	10	8
Чартжитым-Аргын	2	1
Тюртюгул-Аргын	1	1
Атгай-Аргын	1	1
Керей		
Узун-Кипчак		
Кинделям-Кипчак		
Увакский		
Танабуга-Кипчак		
Хашгар-Алаша		

В меньшем числе среди старшин встречались бии, затем баи. Мы считаем, что такое явление не случайно. Превращение племенной или родовой военной знати в феодалов знает и западноевропейское общество, например, это явление наблюдалось у германцев³.

¹ КИД, дела к.-к., № 3, 1743 г. л. 56 — 67.

² Там же, л. 36.

³ «Первым делом франкского короля, превратившегося из простого верховного военачальника в настоящего монарха, было превратить это народное достояние (землю — М. В.) в королевское имущество, украсть его у народа и раздать его в виде подарков или в виде пожалований своей дружине. Сначала всем им большей частью

Выделениестаршинименно из военной знати — показатель процесса феодализации казахского общества. Присмотримся теперь к положению старшин.

Прежде всего, власть хана и султанов была обусловлена поддержкой их вассалов. Каждое, сколько-нибудь существенное решение всегда принималось на собрании старшин. В случае столкновения между владельцами вопрос переносился опять же на собрание старшин. Такой порядок решения дел являлся обычным. Так, когда в 1744г. вернулся из джунгарского плена султан Аблай, то «по приезде ево, Аблая, солтана на советеобщеположили, дабыбудущеювесною Боракова сына Шигая солтана к Галдан Чирину в аманаты отдать и тем Абулмамбетова сына сменить»¹.

Когда султан Нур-Али и старшины Жаныбек и Букенбай потребовали от Абулхаира, чтобы он отпустил из плена Араслана, посланца оренбургского губернатора, Абулхаир первоначально к тому «не склонялся», но в конце концов должен был объявить, что он о том «будет советовать на перекочевке на другое место вниз реки Илека, чего для нарочно соберет биеви старшин, к чему бы и онсолтан, приезжал»².

Когда хан обходил решение собрания, это вызывало протест со стороны старшин. Так, например, старшина Джагалбалинского рода батыр Серка послал своего сынакхану Абулхаиру с тем, что «ежелион, хан, как народного, так и своего благополучия и покоя желает, то б их согласию был послушен и означенного находящегося у негопереводчика Араслана по требованию отправил ныне обратно в Оренбург»³. Число таких примеров можно было бы умножить.

Едва ли в этом можно видеть остатки первобытно-коммунистических общинных отношений. Это скорее феодальное «право совета», которым старшины крайне дорожили. Одной из причин возмущения старшин ханом НурАлив 80-х годах XVIIIв. было то, что хан в практике управления отказалсяпризнатьэтоправо за старшинами.

Далее, общеизвестноправостаршин, вассаловсултанови хана, участвовать в их общественных доходах, т. е. в доходах, получаемых ханом или султаном как владельцем. Русские источники подробно освещаютэто право в отношении того жалованья и подарков, которые хан и султаны получали от царского правительства и джунгарского хун тайджи. Относительно других общественных доходов наши источники говорят об этом праве очень мало. Делать отсюда вывод, что участие старшин в доходах хана ограничивалось только теми подарками, которые получал хан, нам представляется несправедливым. Русские источники отражали преимущественно те моменты взаимоотношений владельцев и старшин, которые были связаны с дипломатическими сношениями хана. Но есть и прямые свидетельства, подтверждающие нашу мысль. Одно из них принадлежит А. И. Тевкелеву. Тевкелев в экстракте о своей комиссии в Малую орду в 1748г. писал, что«у киргизкайсацких старшин издревле обычай есть, что хан откуда б мог себе получитьпожиток, то он, хан, принужден оной пожиток всем старшинам разделить»⁴.

дарились участки народной земли, позднее отдавались в пользование в форме бенефициев, сперва в большинстве случаев на все время жизни короля, и таким образом за счет народа создавалась основа нового дворянства» (Энгельс, Происхождение частной собственности, семьи и государства. Маркс и Энгельс. Полное собр. соч., т. XVI, I, стр 129

¹ КИД, дела к.-к., К-9, № 3 1743 г., л. 124 об.

² КИД, дела к.-к., К-13, № 3, 1746 г., л. 49.

³ Там же, л. 86.

⁴ КИД, дела к.-к., К-16, 1748 г., л. 48 об.

Это обстоятельство очень существенно. Мы видели, что к категории общественных доходов султанов и хана принадлежали и повинности, взимаемые ими с казахов. Участие старшин в этих доходах делало их соучастниками в присвоении феодальной продуктивной ренты; в этом отношении классовая грань между султаном и старшинами стирается.

Существовала и непосредственная эксплуатация старшинами трудящихся казахов. Отметим, например, указание Георги о наличии у казахов своеобразной барщины.

«Богатые, — пишет он, — наделяют скудных скотом, а они в знак благодарности приглядывают за скотиной своих благодетелей. Если табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным знатное число скота. Ежели сей податель прибудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бываютему за то ничем обязаны; если же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему толикое же число или еще и с приплодом скота, хотя бы у самых их и весьма мало за тем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворений табуны свои как бы вечными»¹.

Это — описание отработочной ренты на основе условного владения скотом, собственность на который все же оставалась за родовой знатью. Интересно отметить, что развитие этой формы барщины Георги связывает с ограниченностью рабовладельческого производства. К такой форме эксплуатации старшины прибегают потому, что «не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников»-.

Наконец, когда мы говорим о формах эксплуатации народа со стороны «родовых» старшин, мы должны отметить роль так называемой бармты в развитии этой системы эксплуатации. Бармта — старый институт, несомненно унаследованный от родового быта, — был набег на аул ответчика, в целях возмещения принесенного ущерба, когда ответчик не подчинялся приговору суда биев³.

Однако в рассматриваемый период бармта потеряла свой первоначальный характер. Она проводилась по инициативе отдельных владельцев с целью обогащения за счет грабежа чужих аулов, но никак не в возмещение причиненного ущерба. Особенно ярко этот характер бармты выступил в годы ханства Айчувака (1797 — 1805). Но едва ли бармта приняла характер феодальных войн только в самом конце XVIII в. Базой такого превращения было развитие феодальных отношений, и мы вправе допустить изменение социального характера бармты из того, что она была по нормам обычного права в феодальные войны по крайней мере к моменту распада казахского союза, т. е. к середине XVIII в. Интересно то обстоятельство, что впоследствии во время крестьянских выступлений экспроприацию крестьянами феодалов также называли бармтой.

Все эти данные позволяют нам сближать классовое положение, так

¹ Георги, Цит. соч., стр. 139.

² Там же, стр. 139.

³ Гродеков указывает, что «для того, чтоб набег мог быть назван барантою (бармта), требуется, чтобы: 1) отправились в путь днем, а не ночью; 2) открыто объявили этот набег барантою; 3) он имел целью получение удовлетворения за какой-нибудь ущерб, воровство, убийство, отнятие невесты или жены, обиду и т. д. Баранта производится еще в том случае, когда ответчик не позволяет взыскать с него присужденное бием» (Гродеков, Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Ташкент, 1899 г.)

называемых, «родовых» старшин с классовым положением феодалов «белой кости».

Чем, например, отличалось положение старшин Средней орды Жаныбека, Букенбая и старшины Малой орды Исета от положения владельца «белой кости»? В источниках есть и прямое указание на сближение феодалов «белой» и «черной кости». Подтверждение этому мы находим у Гавардовского: «Народ вообще разделяется на два класса: на дворян, происходящих от ак суюк или тюря суюк, то есть белых костей, и на чернь, происходящих от кара суюк — черных костей. Первое сословие составляло издревле ханские потомства, т. е. султанов, старшин, ходжей, и из них избирались родоправители. Они прежде были богатейшие в орде, пользовались отличными правами. Но ныне происходящие от черных костей, столько же усилились; они часто приобретают себе титул биев, батырей, входят в родство с солтанами и начальствуют многими аулами»¹.

Таким образом, в казахском обществе совершенно явственно выступают два класса: феодалы «белой» и «черной кости» и феодально зависимая, но не крепостная, масса казахов-скотоводов, кочевое крестьянство.

Однако внутри класса феодалов мы все же должны проводить различие между султанами и старшинами. Это различие носило не классовый характер: оно было связано с сохранением форм патриархально-родового быта. Султаны явно выступали как владельцы, как господствующий класс. Классовые различия между старшинами и кочевым крестьянством в значительной мере маскировались господством патриархально-родового быта. Господство этих форм меньше всего может служить основанием для идеализации общественных отношений в казахских ордах. В одной записке XVIII в. мы читаем: «Но при сем равенстве жизни недостает здесь равенства общественного: класс бедных между киргизами не равно, но в большей степени чувствует тягость своего положения, нежели в землях благоустроенных».

Патриархально-родовые формы, в которых выступала формирующаяся феодальная классовая структура общества, не были чем-то внешним, не были мертвым пережитком в системе общественного строя. Они являлись весьма активной формой, вне которой невозможно понять процесса общественной борьбы в Казахстане в XVIII в. Это очень ярко проявилось в крестьянских движениях в Казахстане XVIII—XIX вв. (батыра Срыма, Исатая Тайманова). Пока отметим одну черту, в которой проявлялась активность патриархально-родовых форм. В столкновениях между султанами и старшинами, столкновениях, которые мы, после того как выяснили классовую однородность этих социальных групп, можем рассматривать лишь как проявление внутриклассовой борьбы, — старшины постоянно опираются на «народное ополчение», т. е. на вооруженные силы общины, в то время как сила султана в борьбе со старшинами в значительной мере зависела от боеспособности особой, состоящей из тюленгутов, дружины прихана или султана.

Тюленгуты группировались именно вокруг знати из «белой кости», а не вокруг старшин. До сих пор институт тюленгутизма остается малоизученным. Несомненно, что как в древнейший период казахской истории, так еще и в XVIII в. тюленгут был близок к нукеру, дружиннику. Положение дружинников у монголов с большой полнотой выяснено академиком Б. Я. Владимирцевым. Дружинники существовали и у узбеков.

¹ Гавардовский, Цит. рук., л. 71 об.

Наряду с двумя основными классами складывающегося феодального общества, существовал и третий класс, класс рабов, роль которого в процессе материального производства была значительна. Рабы были заняты не только домашними работами, но и основной производственной деятельностью: уходом за скотом. Недаром одним из основных вопросов, по которому происходили трения между царской администрацией и казахскими феодалами, был вопрос о выдаче бежавших рабов¹. Но все же мы должны говорить не о рабовладельческом, а о развивающемся феодальном обществе в Казахстане. Ведущим, основным процессом развития этого общества был процесс феодализации.

Это становится очевидным, если мы сравним очерченными выше состояние казахского общества XVIII в. с древнейшим периодом его существования в XV — XVI вв.

Уже в то отдаленное время в составе казахского общества совершенно явственно выступает степная аристократия — «чингизиды» в лице султанов. Автор одной из восточных рукописей, Рузбихан², живший на рубеже XV — XVI вв., указывает, что каждый казахский улус возглавляется одним из султанов из дома Чингиз-хана, причем власть этих султанов была наследственной — каждый из них останавливался на тех землях, которыми владели его предки. Как и в XVIII в., султаны распоряжались кочевьями, следовательно, уже в XVI в. существовали элементы феодального владения землей. Прямое указание на это встречается у Мухамед-Хайдера³.

Рассказывая о свидании моголистанского хана Султан-Сеида с казахским ханом Касимом⁴, Мухамед-Хайдер сообщил, что дело клонилось к зиме, и казахи, по распоряжению Касима хана, двинулись на зимовки.

Как и в XVIII в., этой аристократии — «белой кости» противостояла кочевая община, жившая еще в условиях патриархально-родового быта. Нет, конечно, никаких оснований отождествлять казахские «роды» XVI в. с первобытно-коммунистическими союзами кровных родственников, «большими семьями». Первобытные родовые союзы исчезли еще в домонгольский период. Во время передвижения монгольских племен кровно-родственные союзы перемешались. Род XVI в. представлял собой так называемый «аймак» — общину, составленную из обломков прежних племенных союзов. Но общинные формы хозяйства в XVI в. преобладали. Кочевание происходило целыми волостями (курени монголов); аульный способ кочевания в XVI в. нельзя считать преобладающим. Представления об общинной собственности были еще сильны. Это подметил

¹ Подробное описание работ, которые выполнял раб у казахов, мы находим в записках доктора С. Большого, попавшего в плен к казахам при разграблении ими в 1803 г. каравана Я. Гавардовского и превращенного ими в раба. (Записки доктора Большого, «Сынотечества», 1822 г. № 11, 12, 14 т. ч. 77, № 15, т. 34.

² «Мехмана-наме-и-Бухара». Хранится в Ташкенте, в Публичной библиотеке.

³ «Тахир и Рашиди». Подробные отрывки из этого сочинения, касающиеся казахов, приведены у Вельяминова-Зернова (цит. соч, ч. II). Мухамед-Хайдер род. в 1500 г. в знатной семье Дулатов (один из тюркских родов). В его труде излагается история феодального дома ТимурТоглука. В повествование вкраплены известия о казахах, тем более для нас ценные, что Мухамед-Хайдер являлся современником многих из описываемых им событий, а о других, относящихся к XV в., мог писать по свежим еще воспоминаниям их участников.

⁴ Касим-хан, сын Жаныбека, одного из двух первых казахских ханов (Жаныбека и Гирея), с именами которых Мухамед-Хайдер связывает выделение в 50-х годах XV в. казахов из узбекского союза. Касим был один из могущественных казахских ханов. Власть его распространялась, по свидетельству Мухамед-Хайдера, на весь Дешт-Кипчак. Сведения о могуществе Касима подтверждаются и в «Бабер-Наме».

Рузбихан. Рассказывая о богатстве казахов, он говорит, что даже бедная семья имела по несколько тысячголов овец, лошадей и волов. Конечно, здесь идет речь не о собственности отдельной семьи, а о собственности общины, живущей в условиях патриархально-родового быта, иначе Рузбихан не говорил бы о «семье». Однако развитие шло в направлении роста семейной, а не общинной собственности, причем между отдельными семьями уже существовало значительное имущественное неравенство. Когда узбекский хан Шейбани одержал победу над казахским султаном Ахмедом, в руки победителей досталась богатая добыча. Рузбихан рассказывает, что юрты знатных казахов выделялись из других юрт и богатством украшений и размерами.

Имущественное неравенство создавало предпосылки для выделения из казахской общины знати «черной кости». Очень характерно, что, говоря об этой знати, Рузбихан мог назвать только батыров, т. е. представителей военной знати. Мы уже отмечали выше, что это обстоятельство весьма характерно для феодализирующегося общества. Кроме того, мы можем предположить существование в казахском обществе и других категорий знати «черной кости» — биев, т. е. глав общины, и ходжей, т. е. представителей духовной мусульманской знати. отождествлять эту знать со старшинами первобытной родовой общины нет оснований. В процессе распада прежних кровно-родовых союзов и образования смешанных «аймаков» естественно выделялась новая знать, на основе развития частной семейной собственности на скот и военных захватов. То обстоятельство, что древнейшие сведения о казахском союзе называют в рядах знати «черной кости», именно батыров, представляется нам не случайным. В то отдаленное время непрерывных войн, необеспеченности личного существования, постоянных угроз захвата в плен особо почетную и влиятельную роль в общине должна была играть именно военная знать.

Но расслоение общины шло и в другом направлении. Из общины свободных казахов выделялась не только военная знать, но и как и то категории зависимого, подневольного населения. Сведения об этом мы находим у Рузбихана. Он рассказывает, что когда Шейбани-хан решил отомстить Ахмед-султану за разорение областей Мавераннахра, то казахи, при приближении войск Шейбани, собрались в одном месте. Их было около 30 тыс. семей, число мужчин доходило до 50 тыс., в это же число вошли и «работники» и «подчиненные», как их называет Рузбихан. Он прибавляет, что эти «подчиненные» находились в распоряжении не общины, а отдельных семей. Если Рузбихан не допускает серьезной ошибки, то нужно будет признать, что число «работников» и «подчиненных» было невелико, так как несомненно каждая семья имела не одного взрослого мужчину и, кроме того, в общее число мужчин должны были войти и рабы. Поэтому в данном отношении расслоение казахской общины в XVI в. едва ли было значительно.

Таким образом, в состоянии казахского общества в XVI и XVIII вв. мы видим много общего, но в то же время это сравнение позволяет нам отметить одно существенное различие. Оно касается степени феодального расслоения общины. В XVI в. это расслоение выступает еще в весьма неразвитой форме по сравнению с XVIII в. Именно в этом направлении феодального распада общины и шло развитие казахского общества в первые три столетия его самостоятельного существования. Но это направление развития характерно для феодализирующегося общества, поэтому мы вправе считать основным ведущим процессом в развитии казахского общества XVI — XVIII вв. процесс феодализации, а не процесс превращения первобытных форм рабства, которое у казахов бесспорно было, в законченную рабовладельческую формацию.

Наконец, последний вопрос, весьма существенный для выяснения общественных отношений в казахском обществе, — вопрос о связи развития феодальных отношений с колониальной политикой царизма. Русское завоевание несомненно форсировало процесс феодализации в казахском обществе. В то же время это завоевание придало феодальным отношениям более хищнический характер. Чтобы понять влияние колониальной политики царизма на развитие феодальных отношений в Малой орде, необходимо приглядеться к политическому состоянию казахского общества во второй половине XVIII в.

Политическое состояние казахского общества характеризовалось, прежде всего, ясно выраженной феодальной раздробленностью. После смерти хана Тауке, т. е. с 1716 — 1718 гг., и особенно после разгрома казахов джунгарами в 1728 г. форсируется распад казахского союза. Но было бы неверным датировать этот распад 20-ми годами XVIII в. В 30-х и 40-х годах была предпринята попытка возрождения казахского союза, на основе объединения владений Малой и Средней орд. Эта попытка была предпринята ханом Абулхаиром. Осуществлялась она в процессе ожесточенной борьбы с группировкой султанов линии Жадиге, которую возглавлял султан Барак. Если в процессе этой борьбы Абулхаиру удалось оттеснить хана Абулмамбета в г. Туркестан, если влияние султана Аблая после его пленения джунгарами в 1741 г. было в 40-х годах XVIII в. в Средней орде ослаблено и Абулхаиру удалось утвердиться владельцами в роде Керей, Уак и ряде отделений Найман своих сыновей Нур-Али и Ер-Али, а также добиться поддержки влиятельнейшего султана Средней орды Жаныбека, признавшего себя вассалом хана Абулхаира, — то в лице Барака Абулхаир встретил мощного и непримиримого противника.

Мы не можем останавливаться здесь на перипетиях этой борьбы, укажем лишь на то, что если по расчетам хана Абулхаира его вассальные отношения к России должны были служить для него опорой, то он, в конце концов, ошибся в своих расчетах. Линия колониальной политики царизма в Казахстане в 40-х годах XVIII в. сводилась именно к тому, чтобы сохранить влияние царской администрации на хана Абулхаира, но не дать ему сделаться настолько сильным, чтобы избавиться от необходимости искать поддержки царского правительства.

Это направление колониальной политики, осуществленное оренбургским губернатором И. И. Неплюевым, к середине 40-х годов XVIII в. привело к значительному ослаблению власти хана Абулхаира и обострило борьбу феодальных группировок, кончившуюся убийством хана Абулхаира султаном Бараком в августе 1748 г. Со смертью Абулхаира тотчас же потеряли свои владения в Средней орде и его сыновья — Нур-Али и Ер-Али. Они должны были оставить пределы Средней орды.

Политический распад казахского союза сказался, прежде всего, в том, что с начала 50-х годов политическое существование Малой и Средней орд стало развиваться отдельно¹. В Средней орде сначала укрепляется влияние султана Барака, после того как он был оправдан судом биев; после отравления Барака в 1752 г. джунгарским хунтайджи Цеван Дорджи, начинает возрастать власть и влияние султана Аблая.

Малая орда также распадалась на отдельные независимые друг о

¹ Подробно об истории распада казахского союза см. в статье М. Вяткина «К истории распада казахского союза». Сборник «Материалов по истории колониальной политики русского царизма в Казахстане», т. II (подготовлен к печати).

друга владения. Почти одновременно с выбором в ханы султана Нур-Али частью рода Шекты был выбран в ханы султан Батыр, старый враг дома Абулхаира. Потеря влияния в части рода Шекты, наиболее влиятельного и сильного рода Малой орды, наносило огромный удар престижу нового хана. Положение Нур-Али было тем более шатким, что султан Батыр имел крепкую опору в Хиве, где до 1756 г. ханом был его сын Каип. Но если даже исключить владения Батыра, т. е. взять лишь владения, подчиненные хану Нур-Али, то и здесь не было единства. Владения султана Ер-Али, расположенные к югу от верховьев Сыр-Дарьи, были фактически независимы от хана. Ближе к Аральскому морю находились владения султана Дус-Али, отношение которого к хану было то же, что и султана Ер-Али. Третье крупное владение, считавшееся вассальным в отношении хана, было владение султана Айчувака. Это были аулы поколения Жетиру.

С конца 50-х годов вассальные отношения султанов к хану не укрепляются, а ослабевают.

Султаны обнаруживали явные сепаратические тенденции и в области внутриордынских, и в области внешнеполитических отношений. Раздор между султанами фамилии Абулхаира особенно усилился в 70-х годах, после подавления крестьянской войны Пугачева, нашедшей широкий отклик как в Малой, так и в Средней орде.

Реабилитируя себя в глазах царской администрации, султаны не скупались на взаимные обвинения¹.

В то же время обычный порядок осуществления ханом власти через совет старшин делал эту власть крайне неустойчивой. Старшины колебались. Далеко не все старшины, поддерживавшие хана Абулхаира, поддерживали и Нур-Али. В этих условиях внешняя опора, опора на царскую администрацию была особенно важна для хана Нур-Али. Возможно, что это было одним из обстоятельств, вызвавших изменение района кочевок аулов хана. Если в конце 40-х годов Нур-Али, уже выбранный ханом, кочевал в районе Сыр-Дарьи, то в конце 50-х годов место его кочевок примыкало к пограничной линии. Если царская администрация нуждалась в хане, как в своем агенте внутри степи, то хан нуждался в поддержке царской администрации для укрепления своего положения. Новое в стремлении хана опереться на царскую администрацию заключалось в том, что русская ориентация Нур-Али привела его к ослаблению связей со старшинами. Произошло это в конце 50-х годов — начале 60-х годов. Сами старшины указывали впоследствии бар. Игель-строму на то, что «Абулхаирхан, пришед с народом киргиз-кайсацким в подданство высочайшего престола, 18 лет управлял народом наилучше и содержал в должном повиновении, почему оной был всегда спокоен и не отваживался ни на какие дерзости; по смерти оного сын его, Нур-Али, первые 8 лет правления своего следовал примеру отцовскому. Но назад тому уже 30 лет, отделяя от себя лучших старшин, с которыми наперед имел согласие и советы, ни мало не печется о благе народном, но еще к удовольствованию своего корыстолюбия разные оному притеснения чинит»².

Муфтий Мухамеджан Хусайнов конкретизировал это указание старшин в своем журнале. В экстракте его журнала мы читаем: «когда де он, хан, имея на них, киргиз-кайсак негодование, пограничным командирам сообщает и рекомендует неповинных людей разорять с г. бригадиром Акутиным имея согласие, из своей корысти и взяток скот их велит

¹ См. об этом «Материалы по истории национальной политики русского царизма в Казахстане», т. III, изд. АН (подготовлен к печати)

² КИД, № 2, 1775 — 1786 гг., л. 78-83.

М. ВЯТКИН

ТЮЛЕНГУТЫ В XVIII в.¹

Социальная группа тюленгутов в XVIII в. едва ли была многочисленна. В материалах того времени сохранились лишь случайные сведения о численности тюленгутов, и то лишь окружающих хана². Но все же выяснение положения тюленгутов представляет большой исторический интерес, поскольку изменение социального положения этой группы отражало развитие феодализации казахского общества.

Изучение института тюленгутизма в конкретных исторических пределах крайне затрудняется характером относящегося сюда исторического материала. Значительный документальный материал, просмотренный нами³, позволяет говорить, что в центральных архивах сохранился материал, дающий лишь отдельные замечания о положении тюленгутов. Более или менее систематизированного материала нами не обнаружено. Приходилось отмечать каждое, хотя бы весьма беглое, замечание, касающееся положения тюленгутов, вкрапленное в совершенно посторонний этой теме текст.

Но собирание таких отрывочных замечаний с использованием уже опубликованных данных позволяет сделать ряд выводов о положении тюленгутов в XVIII — начале XIX в. Среди опубликованного материала наибольший интерес представляют данные, собранные в незаслуженно забытой статье Ф. Зобнина⁴.

Ф. Зобнин пользовался материалом опросов старшин, биев и султанов Средней орды, произведенных окружным стряпчим Скориной по предложению начальника об. Омской области в 1888 г. Любопытны обстоятельства, при которых возникло дело. Тюленгуты ряда волостей Омской области обратились к местной администрации с жалобой на

¹ Печатается в порядке постановки вопроса.

² Например, при хане Нур-Али в его приезд в 1758 г. в Оренбург находилось 95 тюленгутов ГАФКЭ, КИД, дела к.-к., 1758 г. № 4, л. 365 и об.

³ Были просмотрены за XVIII в. и начало XIX в. (по 1825 г. включительно) дела: секретной экспедиции Пр. Сената, 8 дело пр. Зем. отд. МВД, Департамента полиции исп., Воронцовский фонд, 1 Сибирский комитет, Непременный Совет: из московских архивов — ГАФКЭ, КИД, сношения России с киргиз-кайсаками и ЦВИА, арх. Гл. штаба.

⁴ Ф. Зобнин, К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи, Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г., VI. В настоящее время эта книга стала библиографической редкостью. В Ленинграде ее оказалось возможным достать лишь в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

султанов, которые стремились приравнять тюленгутов к крепостным. Протест тюленгутов против отождествления их с крепостными и послужил основой для возникновения дела, следствие по которому очень подробно провел стряпчий Скорина.

Приглядимся прежде всего к тем условиям, при которых свободный казах превращался в тюленгута, и выясним, из каких социальных групп выходили тюленгуты.

Любопытные указания дает материал опроса бия Чабантая Сагалова, который показал, что становиться тюленгутом казаха заставляли следующие обстоятельства: «Во-первых, по неимению скотоводства бедные киргизы прибегают к достаточным и остаются у них из-за одного пропитания даже навсегда со своим потомством... Во-вторых, имеющие скотоводство киргизы, желая обезопасить стада и быть под покровительством, остаются при покровителе... В-третьих, во избежание какого либо взыскания, правильного или неправильного, киргизы укрываются под покровительство султана или другого влиятельного киргиза»¹.

Итак, свободный казах мог превратиться в тюленгута по бедности или отдавшись под покровительство влиятельного владельца в целях обезопасить свои стада и спасти самого себя от взыскания.

Эти показания бия Сагалова в основном подтверждаются данными, приведенными в книге Н. Гродекова. «Тюленгуты, — пишет Гродеков, — были клиенты и джигиты из бедных, служивших у тюрей и усыновляемых ими. Прежде они служили из-за надела имуществом (инчи), из-за калыма и вообще из-за пропитания. После получения калыма или инчи они продолжали у своих господ службу, от которой имели разные доходы»².

Здесь, как и в показаниях бия Чабантая Сагалова, обращает на себя внимание формально свободный акт превращения казаха в тюленгута. Иначе приобретались рабы. «Что же касается слуг или невольников (кулов), — читаем мы далее в показаниях того же Сагалова, — то оные приобретаются покупкою, байгою, в приданое и в штраф по делам»³.

Итак, тюленгутне раб.

Приведенные нами данные дают довольно цельную картину происхождения тюленгутов: это лица разоренные, лишившиеся скота, или не обладающие достаточной силой, чтобы противостоять грабегам военной знати, спасающие свое положение скотовода путем отдачи себя под покровительство сильного, влиятельного феодала. Это еще не решает вопроса, с какой формой зависимости — вассалитетом или коммендацией мы здесь имеем дело. Очевидно, что, в том и другом случае институт тюленгутизма неотделим от процесса развития феодальной экономики.

Понятно, что в тюленгуты нередко попадали социально наименее устойчивые элементы казахского общества и прежде всего незнатные, бедные казахи. На такое социальное происхождение тюленгутов мы имеем указания в источниках. Так, например, военный губернатор Давыдов доносил в коллегию иностранных дел, что «ханские тюленгуты такого подлого происхождения, что их и отправлять к величайшему его и. в. двору неприлично»⁴. Однако среди тюленгутов мы встречаем

¹ Ф. Зобнин, Цит. соч., стр. 39. Тюленгуты казахов не султанов известны лишь не ранее 20-х годов XIX в.

² Н. Гродеков, Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, стр. 6, Ташкент, 1889 г.

³ Ф. Зобнин, цит. соч., стр. 39.

⁴ ГАФКЭ, КИД, дела к.к., К-36, № 8, 1762 г., л. 137 и об.

лиц, близко соприкасающихся с феодальной верхушкой казахского общества. Приведем несколько примеров.

¹Так, муфтий Мухамеджан Хусайнов упоминает в своем журнале 1785 г. о тюленгуте Ярдыканове, которому приходился свойственником весьма влиятельный старшина Алачинского рода Суфра-бий¹.

²Среди тюленгутов хана НурАли мы встречаем имя Кара-Мурзы. Из показаний бия Актюбетовской волости Уджет Кутенева видно, что звание тюленгута «в прежнее время было еще в уважении, ибо служило охранением личности от разных утеснений посторонних киргизов, таки в сбережении скота»-.

³Таким образом, мы получаем неоднородную картину развития тюленгутизма. С одной стороны, мы имеем в тюленгутизме отношения зависимости между представителями феодализирующейся казахской знати. В данном случае естественнее всего допустить наличие вассальных отношений. Мы увидим в дальнейшем, что так оно и было в действительности. С другой стороны, это развитие было связано с распадом общинных связей. Когда община теряла способность оказать своему члену необходимую помощь — охранить его имущество и его личность, — выходом являлось покровительство сильного феодала. Это случай, аналогичный коммандации западно-европейского общества. Однако эта картина не полна, и, опираясь на нее, легко допустить схематизацию процесса развития феодализма среди казахов. Мы имеем целый ряд показаний, которые указывают еще и на третий путь развития тюленгутизма.

Прежде всего отметим показания Г. Броневского.

⁴Броневский, служивший в начале XIX в. около 20 лет на пограничной линии, склонен отождествить тюленгутов и невольников; один из разделов своих «Записок» он озаглавливает «О тюленгутах или невольниках» и пишет: «класс прислуги составляют султанов и киргизов захваченные в давние времена бухарцы, ташкенцы, каракалпаки, башкирцы, калмыки»³. Действительно, среди тюленгутов мы встречаем калмыков и татар.

Так, например, рассказывая об освобождении купца татарина, захваченного казахами Средней орды, переводчик Бечкурин пишет: «А как помянутый татарин стал повозку свою запрягать, то выбежав из кибитки два ханские тюленгуты (т. е. служителя) Кирги и Кутечь (оба калмыки. — М. В.) учинили в том ему препятствие», а Лилигрейн, рассказывая тот же инцидент, называет упомянутых лиц батырями.

Г. Броневского очень трудно заподозрить в незнании положения отдельных социальных групп казахского общества. Это был внимательный наблюдатель, и его характеристики классов казахского общества основательны и обычно подтверждаются сопоставлением с другими источниками; в данном случае показания Броневского подтверждаются данными П. Небольсина⁴.

П. Небольсин указывает следующие черты, характеризующие происхождение тюленгутов: 1) «Это название дается прислуге султана, который, для личных надобностей, принимает к своим кибиткам членов

¹ ГАФКЭ, КИД, дела к.-к., К-62, №2, 1775 — 1780 гг., л. 205.

² Ф. З о б н и н, Цит. соч., стр. 42.

³ Записка Г. М. Броневского о киргизах, «Отечественные записки», 1830 г., № 120, стр. 97.

⁴ П. Небольсин, Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. Вестник ИРГО, 1852 г., ч. IV, отд. V, стр. 24 — 25. Записки Броневского составлены в середине 20-х годов XIX в. Отчет П. Небольсина относится к его поездке в Оренбургский край в 1850 г.

управляемых им родов, с собственного, однако ж, самого избранного на это согласия»; 2) «они не отчисляются от отделений или подотделений общих по предкам родовичей, но, состоя в полной зависимости султана, не вносят денежных сборов и, по своему завидному для других положению, пользуются некоторыми неважными льготами»; 8) тюленгуты не все чисто киргизского происхождения: «есть несколько известных отделов, которые происхождением своим обязаны или беглым татарам, или примкнувшим к киргизам каракалпакам или пленным калмыкам и персиянам, обращенным из рабства в достоинство тюленгутов»¹ Таким образом, П. Небольсин указывает, не только на превращение части свободных казахов в тюленгуты, но и подтверждает показания Броневского об «обращении из рабства в достоинство тюленгутов»

По имеющимся материалам довольно трудно проследить самый процесс такого превращения, но можно наметить его предпосылки.

Вообще труд рабов использовался не только во всякого рода домашних работах, но и в скотоводстве — основной отрасли хозяйства казахов². Однако в нашу задачу не входит подробное рассмотрение положения рабов в казахском обществе. Мы должны рассмотреть лишь те черты положения рабов, которые могли привести к превращению раба в тюленгута. Здесь решающую роль играло то обстоятельство, что раба казах мог получить имущество, и, оставаясь человеком зависимым, выполнявшим различные работы на своего господина, он, однако в производственном отношении переставал быть рабом и приближался к положению крепостного, так как крепостного от раба отличает условное владение средствами производства.

Приведем несколько примеров такого превращения. Башкирец Теветей Салтангулов после 23 лет плена имел в Кереевском роде 1 жилую кибитку, 2 жены, лошадей 150, коров больших и малых 25, баранов 100, верблюдов 6, «да калмычат плененных им, Теветеем, женского 2, мужского 3 души»³.

Солдат Федор Бельшев показал, что в плену «жил он 10 лет, из коих 6 лет в тяжелой мучительной работе, а в остальные 4 года сыскал себе не только у хозяина, у которого он в плену был, но и у других киргизцев, дружбу и некоторое уважение по причине излечения им многих киргизцев от болезней, за что он и одарен был от киргизцев многим скотом»⁴. Подобные случаи встречались и в земледельческих народах, например у славян, где рабов «сажали на землю и превращали их, очевидно, в крепостных»⁵.

Такой же переход рабов в «домашних слуг», владевших имуществом, отмечен у монголов⁶.

Наделение раба скотом не делало его собственником этого скота. Он им владел на основе условного пользования. В случае ухода этот скот переходил хозяину раба. Когда Ф. Бельшев, выкупленный из плена, покинул своего хозяина, свой скот «оставил он при выкупе у того

¹ П. Небольсин, Пит. соч, стр. 24—25.

² Интересное описание труда рабов мы находим в записках доктора ^{Большого} Чества», 1822 г., плен в 1803 г. при разгроме каравана Р. Гавардовского. «Сын отечества», 1822 г., т. 1.

³ ГАФКЭ, КИ

⁴ Там же, К-42, № 10 1744 — 1782 гг., л. 20.

⁵ М — Л, Д Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, стр. 10.

⁶ Б. Владимирцев. Общественный строй монголов Монгольский кочевой феодализм Л, 1934 г., стр. 166 и 168: «если и бывали рабы, напр из военной пленных, то они переходили на положение домашних слуг».

хозяина, а состоял сей скот в 200 баранах, 40 лошадях и 4 верблюдах»¹.

Очевидно здесь имело место лишь условное феодальное владение, подобное наделению богатыми казахами скотом бедноты, которое описывает Реорги: получивший скот должен пасти за это скот ссудившего его, отбывать своеобразную барщину, а в случае бедствия отдавать этот скот обратно, хотя бы у него самого ничего после этого не оставалось². Отметим далее, что ни Теветей Салтангулов, ни Ф. Бельшев, уже владевшие большим количеством скота, не превратились в тюленгутов своих владельцев. Очевидно наделение раба имуществом подняло его над прежним положением, но еще не делало тюленгутом.

При каких же условиях раб, наделенный имуществом, становился тюленгутом? Некоторые указания на это мы встречаем лишь у П. Небольсина: «Очень близкое понятие к тому, что у киргизцев выражается словом тюленгут или тюленгют, мы у калмыков находим не в тюленгутах, однако, а в эрткэ, дархта, чигачинирах, мергенчутгах и котечинерах, сословиях, которые или заслуживались военными или гражданскими подвигами чернопастных калмыков в глазах ханов и найонов, или получались вследствие особых домашних распоряжений владельцев»³.

В замечании Небольсина интересно то, что превращение в тюленгута было связано с личной зависимостью от владельцев и что звание тюленгута поднимало положение чернопастного калмыка среди лиц лично зависимых от феодалов.

Очевидно тюленгутизм возникал также в результате разложения первобытного рабства, путем поднятия раба до положения лично зависимого от феодала человека. Но все эти пути одного направления. Через развитие вассалитета, разложение общины и первобытного рабства формировалось феодальное общество, и в процессе этого формирования, как один из его продуктов, возникал тюленгутизм. Однако следует заметить, что свидетельства о возникновении тюленгутизма, которые дают основания видеть в развитии тюленгутизма, процесс, аналогичный западноевропейской коммандации, все позднего происхождения. Если не считать свидетельства оренбургского губернатора А. Р. Давыдова о «подлом» происхождении тюленгутов хана Нур-Али (свидетельство, которое если даже для XVIII в. и отражает действительное социальное происхождение тюленгутов, все же не может быть отнесено ко всей массе тюленгутов), то известные нам конкретные представители этой социальной группы в XVIII в. нередко принадлежали к общественным кругам, близким феодальной знати. Естественно поэтому поставить вопрос: что же — вассалитет или коммандация являлось характерным для развития тюленгутизма в XVIII в.?

Некоторый свет на этот вопрос проливает изучение социального положения тюленгутов в казахском обществе в XVIII в.

При столь разнообразном происхождении тюленгутов, когда в тюленгута превращался и человек, близко стоявший к феодальной верхушке казахского общества, и вчерашний раб, и «просто» свободный казах, трудно ожидать, чтобы положение всех тюленгутов было однородно. На самом деле, оно и не было однородным. Обратимся к фактам, причем будем держаться лишь свидетельств XVIII в.

Хан НурАли в одном из своих писем к военному губернатору Давыдову писал: «и оныхтюленгутов моих я не хужекиргизцев почитаю,

¹ ГАФКЭ, КИД, дела к.-к., К-42, № 101, 744 — 82, л. 20.

² Реорги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, стр. 139, СПб, 1799 г.

³ П. Небольсин, Пит. соч., стр. 25.

ибо они мои не крестьяне, а только я, их любя, при себе имею и вместе сними кочую издавна по четыре для того (для услужения сыну, отдаваемому в аманаты. — М. В.) посылаю»¹.

На самом деле, в системе хозяйства своего владельца тюленгут в XVIII в. занимал особое положение. По крайней мере мы не имеем ни одного указания на то, что тюленгуты использовались при пастьбе скота. Здесь применялся труд рабов или труд свободных казахов в форме той барщины, о которой писал Георги.

Конечно, отсутствие прямых указаний на применение труда тюленгутов в скотоводстве еще не дает права категорически утверждать, что в этой области труд тюленгутов не применялся, но вполне вероятным допущением является предположение, что такое использование тюленгутов не характерно для XVIII в. Тюленгуты составляли штат «придворных служителей» (Левшин) казахских владельцев и были связаны с ними отношениями личной, а не крепостной зависимости, выполняли их личные поручения, по преимуществу же, в подавляющем большинстве случаев, составляли их дружины. Владельцы использовали их как материальную силу для вымогания прибавочного продукта у трудящихся казахов «Право брать в виде дани у беззащитных киргизцев лошадей и вещи, кои им нравятся, посредством тюленгутов, часто превращается в грабеж»-. Известно далее свидетельство Ч. Валиханова о разгроме ополчения казахских общин тюленгутами хана Аблая.

Использовались тюленгуты и в очень ответственных поручениях дипломатического характера. Так, первым посланцем от хана Средней орды Шемяки (1732 г) к русским властям был его тюленгут Качак². При приезде Тевкелева в Орск в 1748 г. для примирения хана Абулхайра с губернатором И. И. Неплюевым сношения с мурзой хан вел через своих тюленгутов³. Когда военный губернатор А. Пеутлинг в 1791 г. восстановил в Малой орде ханскую власть и ханом был назначен Ер-Али, один из наиболее непримиримых врагов старшинской партии, в степи был задержан казах с письмом на имя военного губернатора от батыра Срыма, извещавшего А. Пеутлинга о разрыве старшин с русскими властями. Этот казах назвался тюленгутом султана Шир-Гази Каинова.

Среди тюленгутов, очевидно, была группа, пользовавшаяся особым доверием владельцев и, можно думать, значительным влиянием у феодалов. Иначе трудно объяснить то обстоятельство, что русские власти наряду с феодалами стремились задарить и тюленгутов. А. Тевкелев в 1756 г. прямо объяснил это тем, что «как они степные люди, а особенно его ханские служители (тюленгуты) будучи здесь награждением удовольствованы могли ему хану, и прочим старшинам и киргизцам о здешней стороне удовольствие свое показать»⁴.

Наряду с этим известны случаи, когда тюленгуты выполняли функции ханской прислуги. В качестве прислуги хан присылал тюленгутов в Оренбург при своих сыновьях, отдаваемых в аманаты. Эта неоднородность состава тюленгутов нашла любопытное отражение в том содержании, которое получали тюленгуты от русских властей при сопровождении посланцев казахских феодалов ко двору. При посольстве султана Жаныбека в Петербург в 1757 г. давали на день: султану 50 коп., старшинам 20 коп., тюленгутам 10 коп., переводчику 5 коп., солда-

¹ ГАФКЭ, КИД, дела к-к., К-44, № 13, 1762 — 1763 гг., Г772г, л. 51

² Г. Броневский, Пит. соч., «Отечественные записки», 1830 г., № 119, стр. 88.

³ ГАФКЭ, КИД, дела к-к., К-26, № 7, 1757 г., л. 43.

⁴ Там же, К-16, № 4, 1748 г., л. 140.

⁵ Там же, № 5, 1756 г., л. 37об.